

ТРУДНАЯ ПОРА

1942 год принес нам новые осложнения. Незадолго до того выпал снег, ходить на операции и диверсии стало очень трудно. Следы на снегу вели карателей за нашими группами, поэтому партизанам приходилось всячески ухитряться, чтобы обмануть преследователей. Еще больше ухудшилось наше положение с продовольствием. Пройти незаметно к селению, чтобы добыть хотя бы мешок картошки, мы не могли. Нельзя было налетать на вражеские обозы — у нас не хватало патронов.

Мы настойчиво добивались связи с Севастополем, с командованием Приморской армии и Черноморского флота, но все наши попытки были безуспешными.

Начальник третьего партизанского района т. Северский и комиссар т. Никаноров в письме секретарю обкома партии т. Меньшикову сообщали: «...Если Вам не медленно не будут приняты меры, тысяча с лишним бойцов III, IV и V партизанских районов обречены на гибель... Крайние меры, на которые мы идем, дали нам возможность продержаться без продбаз 2—3 месяца... Сейчас налеты на противника результатов не дают... Боевую работу продолжаем ползком, неся ослабевших товарищей на руках».

Это были слова отчаяния, но они были правдивыми.

Нелегко их было писать, но еще труднее оказалось доставить письмо адресату. Группа за группой уходили в сторону Севастополя связные, но они или возвращались, не пробившись через линию фронта, или не возвращались совсем.

В конце февраля в сторону Балаклавы вышла еще одна группа. На этот раз в трудный путь отправились Николай Спай и Миша Апазов. Мы отдали им в дорогу остатки продуктов, которые имели. Я верил, что дядя Коля сумеет пройти в город. Через восемь дней связные вернулись страшно измученные и обессиленные. Последние километры они не шли, а ползли, причем Апазову пришлось тащить дядю Колю.

Партизаны молча слушали рассказ связных.

...Они решили пройти в Севастополь по кружному, самому трудному, но зато менее опасному пути. Шли чуть ли не по вершинам горной гряды, там, где меньше всего встречаются вражеские солдаты. Приходилось преодолевать крутые горные перевалы, далеко обходить не-

мецкие гарнизоны. На третий день пути дядя Коля в кровь стер ноги, ему пришлось снять сапоги. Кончились продукты, полученные в отряде. К исходу четвертого дня они услышали собачий лай. Обернувшись назад, партизаны увидели на горной тропинке, по которой прошли час назад, овчарку. Держа натянутый поводок, за ней бежал немецкий солдат. Дальше виднелись еще несколько гитлеровцев.

— Погоня! — крикнул дядя Коля и бросился вниз к речке, протекавшей по дну ущелья. Опасность придала силы связным, и скоро они были на берегу.

— Побежим по ручью — собьем собаку со следа, — сказал Апазов.

Спани покачал головой.

— Вода ледяная, по ней далеко не убежишь. К тому же немцы наверняка пойдут вдоль берега, зная, что где-то мы выйдем из воды. Лучше давай перейдем речку, займем удобную позицию, и если нас найдут — дадим бой.

Связные быстро перебрались на другой берег и пошли в обратном направлении.

Немцы поступили так, как предполагал дядя Коля. Как только собака довела их до воды, они бросились вдоль берега вперед. Скоро лай затих. Партизаны до вечера просидели в маленькой пещере. Ночь выдалась темная, идти стало безопаснее, но зато труднее. Ноги то и дело срывались с камней, партизаны несколько раз падали в карстовые воронки, один раз чуть не свалились в глубокий обрыв. Сил становилось все меньше, а до Севастополя было еще более половины пути. К утру дядя Коля обессилел совсем. Его босые ноги опухли, посинели. Грязь, попавшая в раны, вызвала нагноение. Идти дальше он не мог.

— Вернемся назад, — предложил Апазов

И вот они, обросшие, оборванные, лишенные сил, добрались обратно.

Через несколько дней мы узнали, что очередная группа под командой коммуниста-партизана Н. С. Кобриня все же дошла до Севастополя. Мы стали ждать помощи...

В составе группы Кобриня был один из лучших разведчиков, впоследствии командир одного из партизанских отрядов Южного соединения, Иван Григорьевич Гордиенко. Вот что он рассказывал потом об испытаниях, которые выпали на долю партизанских связных:

— Первую часть пути мы проделали быстро и легко. Шли в лесу от одного отряда к другому: от Евпаторийского — к Ялтинскому, от Ялтинского — к Севастопольскому. И всюду видели: большие надежды возлагают на нас партизаны. В отрядах не было ни боеприпасов, ни продуктов, ни медикаментов, и только мы могли сообщить об этом севастопольцам. А они — мы в этом не сомневались — не откажут нам в помощи.

На третий день наша группа вышла в Байдарскую долину. Здесь мы перешли поле и направились на мыс Айя. И хотя кругом были немецкие посты и заставы, нам удалось обойти их стороной. От мыса Айя рукой подать до Балаклавы, но едва мы попытались пересечь линию фронта, как наткнулись на охранение.

— Хальт! Хальт! — послышалось в темноте. Над нашими головами засвистели пули, вспыхнули ракеты. У немцев поднялся такой переполох, что нечего было и думать пройти незамеченными. Пришлось прятаться в скалы, а потом спускаться с обрыва вниз, к берегу моря, так как за нами началась погоня: мы еще прыгали с уступа на уступ, а над нашими головами уже слышался шум погони. Немцам и в голову не приходило, что мы решимся спуститься с обрыва.

Недешево дался нам этот спуск. Каким-то чудом удалось сохранить в целости наши кости, зато на теле ни у кого не осталось живого места. Особенно пострадал Лосев, бывший летчик. Он первым «спикировал» с обрыва, хотя никогда не занимался альпинизмом, а горы Крыма видел лишь с высоты птичьего полета.

Все это можно было перетерпеть. Самое худшее пришло утром, когда выяснилось, в какой западне оказалась наша группа: справа, слева и позади нас высились неприступные скалы, а впереди — море. Было от чего прийти в отчаяние.

— Сами загнали себя в «ведьмин угол», — ворчал наш проводник. — Попробуй выберись отсюда. Тут и родная мама не поможет.

— Мама тут действительно не поможет, — ответил ему командир группы, — а вот смекалка партизанская должна выручить.

Прячась за выступающие скалы, мы долго искали путь наверх, пока не набрели на небольшую бухточку. Здесь я приметил несколько бревен и обломков досок, выброшенных на берег волной.

«А что, если попытаться связать плот и с наступлением темноты проскользнуть на нем мимо немцев?» — мелькнула у меня мысль.

Мой план был принят. С наступлением темноты мы отчалили от берега. Под тяжестью наших тел плот прошел, и мы оказались в ледяной воде. Чтобы не закоченеть, мы изо всех сил орудовали обломками досок как веслами, и наш плот удалялся все дальше и дальше от каменной ловушки, в которой мы провели тревожные сутки.

К рассвету мы обснули нависшие над морем скалы, но дальше плыть было нельзя: из нас получилась бы отличная мишень для фашистских снайперов. Плот пришлось бросить. И снова мы пробираемся вперед по горным кручам, то и дело рискуя наткнуться на вражеский сторожевой пост.

Давно кончились продукты, не было ни глотка воды, и только желание любой ценой пробиться к своим вело нас вперед. Лишь на тринадцатый день, вконец обессиленные, мы встретились с бойцами, оборонявшими подступы к Севастополю.

Изможденные, обросшие, в изодранной в клочья одежде, мы еле держались на ногах, и на командный пункт нас уже вели под руки. А через несколько часов мы были в штабе командующего Черноморским флотом, докладывали о действиях партизанских отрядов, рассказывали об их нуждах...

В штабе района, в партизанских отрядах на группу Кобриня возлагались большие надежды. И хотя никто не знал, где находятся посланцы партизан, сумели ли они пройти в Севастополь через линию фронта, все знали: севастопольцы подадут партизанам руку помощи, не оставят в беде.

О том, какая обстановка сложилась к этому времени в нашем отряде, хорошо рассказано в дневнике отряда. В него записывались все важнейшие события нашей жизни, сведения о наших боевых операциях, потерях и трофеях. Вели дневник работники штаба, иногда и я записывал все, что считал необходимым. Привожу несколько записей из дневника. Трудно теперь найти слова лучше, чем те, которые родились в душе партизан в дни боев.

«Сегодня 24 марта.

Разведчики сообщили нам страшную весть: сожжена и полностью уничтожена деревня Лаки. Немецко-фаши-

стские мерзавцы и их подлые наймиты сожгли дотла всю деревню, разрушили школу, клуб, здание сельсовета, магазин, жилые постройки колхозников и даже церковь, а 16 женщин, стариков и детей, в том числе Елену Гавалло с ее 8-месячным ребенком, расстреляли. Трупы расстрелянных бросили в один из погребов, облили бензином и сожгли.

Нельзя писать, нельзя говорить об этой деревне без глубокой душевной боли. Жители Лак с первого дня оккупации Крыма активно помогали партизанам. Еще совсем недавно они прислали большой подарок — 60 килограммов прекрасного табаку. Наш отряд в составе более 100 человек на протяжении трех месяцев находился на полном иждивении этой деревни. Очень многие партизаны из нашего и других отрядов знали, что, когда бы ни зашли в эту деревню, они всегда были тепло встречены, накормлены и спокойно отдыхали здесь, так как в этих случаях сами жители стояли на постах.

27 марта.

Исключительно тяжелое положение с продовольствием. Наш отряд обеспечен лучше других, однако и нам очень трудно. Из соседних отрядов приходят горькие вести — там уже было несколько смертных случаев от голода. У нас пока группы ходят на операции. В нашем отряде собраны люди, которые всю жизнь занимались физическим трудом, люди закаленные, хорошо знающие местность. Вторая причина — мы наладили хорошие связи с местным населением. А взять, к примеру, Евпаторийский отряд. Состоит он из людей интеллигентного труда, лесная жизнь для них во много раз тяжелее.

Положение наше ухудшается еще и тем, что мы не имеем связи с Большой землей. Там не знают, в каких условиях мы живем и боремся. Пока попытки командования района связаться с Большой землей, попросить оттуда помощи продовольствием не приносят результатов.

28 марта.

Одна из групп ушла с задачей пробраться через линию фронта, попасть в Севастополь и попросить помощи. А пока мы делаем все возможное для спасения людей.

Над деревней Мангуш, на высотах Сараман, есть большие поляны. До войны население деревни выращивало здесь богатые урожаи картофеля. Хотя сейчас конец марта, однако мы надеемся, что там под снегом остался

картофель. Мы направили 20 человек, в их числе несколько ослабевших, опухших, на «картофельную операцию». Двигались они двое суток. Наконец дошли, провели разведку. Предположение оправдалось: в земле есть достаточное количество картофеля, который надо копать из-под снега. Есть много погнивших и замерзших клубней, но их можно употреблять в пищу.

Было отчетливо видно, как немцы на окраине деревни маршировали, очевидно, занимались. Значит, днем работать нельзя, а ночью картофель в земле и в снегу, пожалуй, не найдешь. К середине дня нашим повезло. Спустился низкий густой туман. Приступили к заготовке картофеля. С наступлением темноты отошли далеко в лес, развели костер у родника и начали «пир». Пробовали картофель в мундире, очищенный, печеный. Кое-кто достал лук, готовили соус. Другие из крахмала пекли лепешки. Одним словом, картофель в пяти-шести видах. Люди изголодались, всю ночь сидели у костра, спали очень немногие.

И так под прикрытием доброго тумана партизаны «паслись» трое суток. На четвертые, набрав по 8—10 котелков хорошего картофеля, двинулись в обратный путь.

1 апреля пришли в лагерь.

Получилось очень неплохо: двадцать человек в течение четырех суток были сами сыты, каждый обеспечил себя пищей на трое суток, и в общий котел отряда сдали мешок хорошего картофеля. Мы приняли решение: всему отряду группами побывать на Сарамане и там на месте добывать картофель. Туда направили одну за другой еще две группы. И все удачно, хорошо. И сами, кто ходил, сыты, и в отряд приносили.

8 апреля.

Наконец-то! Ура! Дождались!

Над нами кружится наш ястребок, прилетевший со стороны Севастополя. Это означает, что посланная группа добралась до места. При виде самолета мы все выскочили на бугор, машем белыми рубахами, полотенцами. Однако самолет, покружиив, улетел. Но мы не огорчаемся, это неважно, главное — начало есть. Теперь нас найдут, заметят обязательно. Так и случилось. На следующий день прилетели два ястребка. Долго кружили над нами и все же заметили наши сигналы, после чего бросили нам вымпел: «Сегодня будем вторично, установ-

вите сигналы на площадке, указанные Кобринным. С приветом — летчики». Ясно. Раз сегодня будут вторично, надо ждать сброски продовольствия. С наступлением темноты будем жечь костры на площадке.

В 5 часов вечера опять прилетели наши соколы и сбросили новый вымпел: «Завтра с рассветом сядем у вас, уберите бревна, камни, засыпьте ямки, установите дежурство. В случае ненастной погоды будем послезавтра. Привет, летчики».

Мы всем отрядом пошли на площадку. Когда-то здесь работники заповедника держали в загоне редких и ценных животных — зубробизонов. Тут мы и устроили свой партизанский аэродром».

ВОЗДУШНЫЕ ПАРТИЗАНЫ

Утром 10 апреля на нашем аэродроме сел первый самолет У-2. Летчик Герасимов доставил к нам опытного радиста Дмитриева с походной радиостанцией. А вечером первый транспортный самолет сбросил нам четыре парашюта с продовольствием. И все это наш родной Севастополь! Мы знали, в каком тяжелом положении находится он. Будучи отрезан от Большой земли, зажат в огненном кольце, он нашел возможность помочь нам.

— Спасибо тебе, наш герой! — говорили партизаны. — Мы не останемся в долгу, будем с новыми силами громить врага, поможем тебе в твоей героической борьбе.

Такой ответ на помощь, оказанную нам Севастополем, дали партизаны не только нашего отряда, но и всего района.

Испытание партизанского аэродрома для летчика Герасимова окончилось неудачно. Во время посадки он сломал винт и целую неделю не мог вернуться в Севастополь. На выручку пришли партизаны. Более ста километров прошли они по горным и лесным дорогам, под самыми Байдарами сняли с разбитого самолета винт и привнесли в лагерь.

16 апреля Герасимов собрался в обратный путь. Но подняться с маленькой площадки оказалось еще труднее, чем сесть. Отрываясь от земли, самолет ударился о стены полуразрушенного дома и разбился. Пилоту каким-то чудом удалось уцелеть: он отделался легкими ушибами и царапинами. Через линию фронта ему пришлось про-